

сюжетна схема ініціації головного героя. Головна увага зосереджена на проблемі руйнування гармонійного укладу життя українського етносу внаслідок тотальної агресії чужинця.

Ключові слова: Василь Шкляр, роман, опозиція «свій-чужий», етнос, українська державність.

Summary. In the article functioning of the opposition “own-strange” in the structure of the novel “Chorniy voron” (“Black raven”) by Vasyl Shckliar is researched. Being the author’s outlook manifestation the dichotomy “own-strange” can become the leading means of clarifying individual and national identity problems, which is very actual in situation of present crisis, which is very close to historical turning points of Ukrainian past times of UNR period. The universal character of this ambivalent couple is determined in cooperation with such oppositional concepts as good/evil, power/freedom, sacral/ignorant, order/chaos, generosity/corruptibility etc. Toposes of “own” and “strange” are interpreted through the prism of self-identity finding, in international, gender, psychological dimensions. Analysis of the text of the novel shows that even putting a distinct verge between toposes of “own” and “strange”, V. Shckliar doesn’t simplify the matter of this disposition. Heroes of the novel reject the “strange” not because it is “not own”, but because it contradicts the common to mankind norms of ethics and morality.

In the article the structure of artistic time and space, the plotline of main hero initiation are observed. The main attention is concentrated on the problem of Ukrainian ethos’s harmonious way of life destroying as the result of total aggression of the stranger. The author of the article reaches the conclusion that in the novel “Chorniy voron” (“Black raven”) the new model of the world is created and it completely coincides with ethnomental and ideological principles of Ukrainian people life. The opposition “own-strange” obtains the conceptuality and actualizes not only in the structure of the text but also above its plot system, as it coincides with those provocative calls, which are present in Ukraine in view of aggression of everlasting external enemy.

Key words: Vasyl Shckliar, novel, opposition “own-strange”, ethnos, concept, Ukrainian statehood.

Отримано: 22.01.2015 р.

УДК 82.0: 821.161.1

Титянин К.А., Мельничук И.Н.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗОВ ИНОСТРАНЦЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Проблемы национального самосознания в творчестве Ф. М. Достоевского за последние два десятилетия стали предметом активного интереса исследователей. Образы иностранцев у писателя при этом используются литературоведами (лингвистами, историками и др.) как наиболее естественный инструмент для уяснения национального образа мира в творчестве писателя. В работах, посвященных этому, преобладает культурологический подход к проблеме. Но это слишком широкое обозначение угла зрения на предмет. Чтобы уточнить его, охарактеризуем вначале тематику и проблематику этих работ, предполагая, что это позволит более точно уяснить их подходы к проблеме, оценить их уместность и перспективность.

Образы немцев у Достоевского представляли в работах исследователей главным образом как национальный тип (стереотип). В этом плане они охарактеризованы в работе Н. В. Бутковой [3, 12], отмечавшей и привлекательные черты этого типа (его «человеколюбие, доброту» и «рабоспособность»), и отталкивающие («практицизм и меркантилизм»). Примерно так же понимается немецкий стереотип в статьях М. Гиголашвили. Но его комплекс качеств стереотипного немца выглядит более монолитным в содержательном плане: «честность, зажиточность, систематичность, умение трудиться» [4, 77]. Эти наблюдения характеризуют, конечно, и специфику русской точки зрения на иностранца. Так у Достоевского, по справедливому замечанию Н. В. Бутковой, образы немцев и Германии даны в контексте образа Европы, в ряду оппозиции «Россия – Европа», сохранявшей свою актуальность на протяжении всего творческого пути писателя [3, 16]. Но и в ее работе освещены далеко не все вопросы художественно-идеологического функционирования образов немцев у Достоевского, а тем более это касается работ М. Гиголашвили. В большей мере эти аспекты учтены в работах, посвященных образам поляков в творчестве Достоевского. Образ поляка у Достоевского тоже осмыслился исследователями как национальный стереотип, но преимущественно с негативным оттенком. Последнее объяснялось религиозными, идеологическими

и этико-психологическими причинами. В общем плане это связывалось с тем, что Россия 19 века переживала острейшие «национальные проблемы», возникшие в результате разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 годах, что привело к возникновению «польской проблемы», борьбе поляков за свою независимость и репрессивным действиям со стороны российского правительства. Наиболее распространенное объяснение негативизма в отношении к полякам у Достоевского сводилось к указанию на специфику отношения писателя к католицизму. Достоевский видел в католицизме нехристианское стремление к господству над всем человечеством, что проявлялось и на личностном уровне его персонажей-поляков – в их гордыне, «гоноре» (З. Калужиньский, Я. Углик, отчасти М. Швидерска). Николай Бердяев, исследуя проблему взаимоотношений русских и поляков, приходит к выводу, что неприязнь между этими народами, «не может быть объяснена лишь внешними силами истории и внешними политическими причинами. Источники вековой, исторической распри России и Польши лежат глубже», необходимо изучить «духовные причины этой вражды и отталкивания». Согласно его мнению причина кроется в непонимании между двумя «славянскими душами» – «распря души православной и души католической», то есть «внутри славянства произошло столкновение Востока и Запада» [2, 191].

В негативном ключе воспринимались многими авторами и образы евреев у Достоевского (образы эти представлены в «Дневнике писателя», очерковых произведениях, письмах, но редко – в художественных произведениях). Н. Бердяев, В. Винчел и С. Динкевич считали возможным прямо говорить о ксенофобии (антисемитизме) писателя. Однако другие авторы обращали внимание, во-первых, на настойчивое разграничения самим Достоевским сфер «еврейского» (собственно национального) и «жидовского», которое писатель считал чем-то вненациональным и «враждебным» «всему миру», связанным, по его словам, с «истреблением лесов ... монополией в промышленности, финансах ... и подготовкой разрушительной социальной революции» [11, 79-80]; во-вторых, обращали внимание на личное гуманное отношение Достоевского к евреям (С. Белов); и в-третьих, на необходимость учитывать художественно-идеологический контекст высказываний о евреях (А. Панченко). Последний автор указывал, например, на то, что нельзя слова Лизы Хохлаковой из «Братьев Карамазовых» о еврейских ритуальных убийствах воспринимать как их «пропаганду», исходящую от самого Достоевского. А. Панченко вполне резонно предлагал принять во внимание прежде всего логику характера персонажа, произносящего эти слова. Ведь Лиза Хохлакова совершает в романе целый ряд действий под влиянием истерии, и ее слова о ритуальных убийствах евреями как раз и относятся к такого рода эпатирующим, истеричным проявлениям [13, 104].

Образы французов и англичан более многочисленны в художественных произведениях Достоевского, но рассматривались они лишь в работах историков Г. Ю. Лазновской, З. С. Канонистовой и культуролога В. П. Шестакова. Для этих авторов персонажи Достоевского выступали лишь как свидетельства (знаки) определенных культурных и исторических тенденций. Что было интересным для русских в бытовой культуре этих народов? Каковы взаимные представления о национальном характере русских и французов, русских и англичан? Как происходило осмысление русскими политического опыта Англии и Франции, и насколько объективным было это осмысление? Вот примерный круг вопросов, рассматривавшихся в подобных работах. Из этого понятно, что художественная специфика образов Достоевского в исследованиях такого типа почти не учитывалась.

Все названные выше авторы (кроме М. Швидерской) интересовались характером восприятия отдельных национальных групп в творчестве Достоевского, они не ставили задачи представить обобщенный образ иностранца и, соответственно, мало обращали внимание на значимость почвеннического контекста в этом случае. Тема монографии польско-немецкой исследовательницы М. Швидерской сформулирована так: «Анализ литературных произведений Ф. М. Достоевского в имагологическом аспекте, уделяющий особое внимание представлениям о Польше». Швидерска, стремясь установить в своей работе четкие методические рамки, предлагает говорить не вообще об имагологии, а именно о литературоведческой имагологии. Уместным по отношению к своей теме она считает «метод герменевтической интерпретации» с помощью «структурной глубинной семантики (П. Рикёр)» [16, 14]. Основные итоги ее исследования сводятся к следующему: «чужое» (иностранное) у Достоевского характеризует русских персонажей, и осуществляется это двумя способами. Во-первых, это «чужое» имманентно присуще русским, «очуждает» их, делает их «западными», и предстают такие русские персонажи «в сакральной, нуминозной функции» [16, 431]; а во-вторых, «чужие» нужны для контраста с основными русскими персонажами. Вполне правильным в этих выводах следует считать положение о том, что «чужие», иностранцы нужны для характеристики русских персонажей. А вот что касается сделанного Швидерской разграничения русских персонажей по их отношению к «чужому» (иностранному), то оно не кажется достаточно убедительным. В частности, у нее остается неясным, почему «сакральная,

нуминозная» функция относится только к той группе русских персонажей, которых «отчуждает» западное влияние, а не ко всем русским персонажам, которых (после 1860-го года, времени формирования почвенничества) можно так или иначе соотносить с почвенническим миропониманием. Ведь дело в том, что использование Швидерской понятий «сакральное» и «нуминозное» в приведенном выше контексте и в рамках темы ее работы оправдано только при учете связи этих понятий с идеологией почвенничества, с его христианской основой и утопическим представлением о будущем «всечеловеке». Именно эти черты почвенничества уместно называть сакральными (но вряд ли нуминозными), а они распространяются на всех русских людей, а в пределе и на всех людей вообще. Эти и некоторые другие погрешности в научно добросовестной работе М. Швидерской вызваны, на наш взгляд, недостаточным вниманием к почвенническому контексту образов иностранцев, который способен изменить масштаб рассмотрения этих образов, а значит и их художественный смысл.

Из этого обзора литературы видно, что почти во всех работах используется (или подразумевается) имагологический подход к рассмотрению образов иностранцев, который является конкретным проявлением того, что выше было названо культурологическим подходом. Имагологический подход строится на изучении образа «чужого» в сознании той или иной страны (национальной группы, эпохи, а именно ключевое положение этого метода (то, что «чужой» или «другой» является чем-то инородным для воспринимающей стороны) противоречит основной установке Достоевского-почвенника на «всечеловечность» русского национального типа, которая (в принципе) устанавливает равенство между всеми людьми)[12, 251]. Такая установка в художественной системе Достоевского – не просто теоретическое положение, а художественно значимая идея. Она существует как «идея-чувство» (так о ней можно сказать на языке Достоевского, или как идея, становящаяся почти героем произведения (это уже на языке М. М. Бахтина). Символически эту идею обозначают такие художественные формулы, как «всемирное боление»[6, 13, 375-376], «обновление и воскресение всего человечества» [6, 8, 384], «вселенская любовь» как следствие признания вины «каждого за всех»[6, 14, 149]. Все эти формы существования «всечеловечности», конечно, должны быть соотнесены с образами иностранцев и с образами русских героев-идеологов, вообще, они должны быть уяснены в их художественном своеобразии. А для этого методы имагологии (как части сравнительно-исторического литературоведения) не подходят, или должны занять место второстепенных, прикладных. В данном случае нужна опора прежде всего на законы поэтики Достоевского, понимание которых невозможно без учета широкого контекста его творчества. Поэтому в качестве основного метода уместно использовать традиционный культурно-исторический подход, но, конечно, не в варианте, восходящем к Ипполиту Тэну, а в соотносительном с ним современном варианте – системно-целостном подходе М. М. Гиршмана, позволяющем привлекать различные специальные методики для решения конкретных исследовательских задач.

Список использованных источников:

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение”/С. В. Белов. – СПб.: Алетейя: Российская национальная библиотека, 2001. – Т. 1. – 573 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войн и национальности / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 212 с.
3. Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук: спец. 10.01.01 «Русская литература”/ Н. В. Буткова. – Волгоград, 2001. – 18 с.
4. Винчел В. Достоевский и антисемитизм [Электрон. ресурс]/ В. Винчел. – 2003. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2005/01/20-173>
5. Гиголашвили М. Немцы и немецкое в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского /М. Гиголашвили // Крещатик. – 2000. – №9. – С. 75-82.
6. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности/М. М. Гиршман. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1972-1990.
8. Калужинский З. Страшные поляки, святая Русь [Электрон. ресурс]/ З. Калужинский. – 2011. – Режим доступа: <http://forum.polska.ru/viewtopic.php?f=3&t=2839&start=390>
9. Канонистова З. С. Межкультурный диалог в историческом контексте: Восприятие образа Англии и англичан в русском обществе во второй половине XIX – нач. XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история”/ З. С. Канонистова. – Саратов, 2006. – 24 с.
10. Лазновская Г. Ю. Франция и французы в восприятии русской интеллигенции второй половины XIX в.: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры”/ Г. Ю. Лазновская. – Волгоград, 2009. – 27 с.

11. Наседкин Н. Н. «Минус» Достоевского: Ф.М. Достоевский и еврейский вопрос / Н. Н. Наседкин // Наш современник. – 2003. – № 7. – С. 263-273.
12. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект/ А. А. Панченко. – М.: ОГИ, 2002. – С. 161-168.
13. Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского/ Я. Углик// Toronto Slavic Quarterly. – 2011. – № 37. – С. 135-149.
14. Шестаков В. Английский национальный характер и его восприятие в России / В. П. Шестаков // Россия и Запад: диалог или столкновение культур. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2000. – С. 85 – 117.
15. Schwiderska M. Das literarische Werk Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens/ M. Schwiderska. – Muenchen, 2001. – 404 p.

Анотація. У статті подається огляд літературознавчих праць, присвячених функціонуванню образів іноземців у творчості Достоевського. У цих працях переважає імагологічний підхід (вивчення образу «чужого» у свідомості представників певної країни). Однак цьому підходу суперечить, на думку авторів статті, те, що ключове положення імагологічного методу (те, що «чужий» у свідомості того, хто його сприймає, є чимось принципово іншим) суперечить головній настанові Достоевського на «вселюдськість» російського національного типу, яка в принципі передбачає рівність між усіма людьми.

Ключові слова: імагологія, образи іноземців, «вселюдськість», російський національний тип, «чужий».

Summary. The problems of national self-actualization in the works of F. M. Dostoevsky are actively studied in the last two decades. Dostoevsky's Germans are considered mainly as a national type (stereotype), combining positive and negative features (articles N. Butkova, M. Gigolaschvili). The character sketch of the Pole also is conceptualized as a national stereotype, but mostly with a negative shade. Usually it explains by the quotient of Dostoevsky by Catholicism. Russian writer saw the unchristian pursuance of domination on the whole mankind in Catholicism (Z. Kaluzhynskii, Ya. Uglik, partly M. Shviderska). The Jews' character sketches in Dostoevsky were perceived by many authors in a negative way. N. Berdiaev, V. Vinchel and S. Dinkevich considered possible to talk about the writer's xenophobia (anti-Semitism). But other authors gave attention to the differentiation by Dostoevsky the spheres of «Jewish» (actually national) and «Yid» that the writer considered non-national and «antagonistic» to the «whole world» (N. Nasedkin). M. Shviderska is the only researcher who examines all Dostoevsky's foreigners. But one of her conclusions that the «foreign» makes the Russians «westerner» is not quite concrete, because it legislates the context of «pochvennichestvo» insufficiently. In all these works the imagology approach is used to scrutinize the foreigners' character sketches in Dostoevsky. This approach is based on contemplation of the «stranger» character sketch in the consciousness of the country. But the key meaning of this method is contrary to the basic setting of Dostoevsky-«pochvennik» to «universal humanity» of Russian national type, which (in principle) establishes equality between all people. That is why the imagology methods should be secondary, applicative. And the basic method is the traditional cultural and historical approach.

Key words: imagology, the foreigners' character sketches, Russian national type, «stranger», «westerner».

Отримано: 23.02.2015 р.